

## **Современные тенденции в лексикографировании класса местоимений (на материале польского и русского языков)**

© доктор филологических наук В.Г. Кульпина, 2009

В описании класса местоимений в современной польской общей и двуязычной лексикографии – в лексикографической теории и в практике словарного дела – обозначились новые тенденции, которым и посвящена настоящая статья.

Прежде всего необходимо отметить, что лексикографическое описание класса местоимений в немалой мере зависит от понимания, интерпретации местоимений – либо как единого целого, либо как разрозненных совокупностей, включаемых в состав других частей речи по признаку сходства их частеречных семантико-грамматических характеристик и способности к замене соответствующих частей речи. В связи с этим лексикографическое описание местоимений неотделимо от взглядов лексикографов на природу местоимений и местоименности. Эта часть речи и принципы ее выделения в польском языкознании имеют обширную литературу предмета. К проблеме выделения местоимений как части речи обращались в своих трудах такие известные польские ученые, как Мирослав Банько [Bańko 2001], Анджей Богуславский [Bogusławski 2007], Станислав Йодловский [Jodłowski 1971], Тадеуш Милевский [Milewski 1965] и многие другие.

Лексикографические аспекты описания местоимений давно являются предметом пристального интереса польских исследователей в их стремлении к оптимизации словарной презентации этого класса лексики.

Обратимся к проблемам установления состава данного класса лексики и его трактовки в словарях последнего поколения – толковых словарях польского языка и в двуязычной русско-польской и польско-русской лексикографии.

Академических толковых словарей современного польского языка, увидевших свет в последнем десятилетии XX века и первом десятилетии XXI века, имеется три. Первой ласточкой в самой современной польской толковой лексикографии стал словарь под редакцией Богуслава Дуная [SWJP], вышедший в 1996 г. в Варшаве в издательстве «Вильга» (Wilga) – он так и называется «Словарь современного польского языка» – это однотомный словарь гигантского формата и наполнения, 45 страниц предисловия, 1393 страницы корпуса, 62 тыс. словарных

*Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5*

статей. В указанном словаре право называться местоимениями – с помощью соответствующей пометы *zaim* – зафиксировано за местоимениями субстантивного типа, однако в эту группу не входят субстантивные относительные местоимения. Воспользуюсь цитатой Мирослава Банько по поводу описания в этом словаре местоимений: «К местоимениям отнесены тут только субстантивные местоимения, за исключением относительных. Все относительные местоимения (субстантивные, адъективные, нумеративные и адвербиальные) включены в класс реляторов, а остальные местоимения распределены по критерию заменяемости между прилагательными, числительными и наречиями» [Bańko 2001. S. 208].

Б. Дунай о местоимениях в своем словаре пишет следующее: «Сфера употребления термина местоимение относительно узкая. В классе местоимений оказались лишь слова, традиционно выступающие под названием предметных местоимений. Таким образом, к ним относятся **личные местоимения** *ja* ‘я’, *ty* ‘ты’, *my* ‘мы’, *wy* ‘вы’, *on* ‘он’, **возвратное** местоимение *się* ‘себя’, **вопросительные** местоимения *któ* ‘кто’, *co* ‘что’, **неопределенные местоимения** *któś* ‘кто-то, кто-либо’, *ktokolwiek* ‘кто-нибудь, любой’, *coś* ‘что-то, что-либо’, *sokolwiek* ‘что-нибудь’ и **отрицательные местоимения** *nikt* ‘никто’, *nic* ‘ничто» (SWJP. S. XIII).

Ряд членов класса местоимений Б. Дунай причисляет к **прилагательным** (*mój* ‘мой’, *twój* ‘твой’, *nasz* ‘наш’, *wasz* ‘ваш’, *swój* ‘свой’; *ten* ‘этот, тот’, *tamten* ‘тот’, *ów* ‘тот’, *taki* ‘такой’; *jaki* ‘какой’, *który* ‘который’, *czyj* ‘чей’; *niczyj* ‘ничей’, *żaden* ‘никакой’; *jakikolwiek* ‘любой’, *rewien* ‘некий, некоторый’; *wszystek* ‘весь’, *każdy* ‘каждый’), а часть – к **наречиям**: *tu* ‘здесь’, *tam* ‘там’, *kiedy* ‘когда’, *nigdy* ‘никогда’, *niekiedy* ‘иногда’, *zawsze* ‘всегда’.

К классу **числительных** Б. Дунай относит кванторы (обозначающие неопределенное количество): *tyle* ‘столько’, *ile* ‘сколько’, *wiele* ‘много’, *kilka* ‘несколько’. В то же время относительные местоимения *jaki* ‘какой’, *który* ‘который’, *gdzie* ‘где’, *skąd* ‘откуда’, *dokąd* ‘куда’, *które* ‘каким путем’ относятся им к классу **реляторов** (SWJP. S. XIII).

Часть лексических единиц, не имеющих форм словоизменения и традиционно относимых к местоимениям, попадает в класс **модулянтов**, определяемый как «несклоняющаяся часть речи, вступающая в синтаксические связи с разными частями предложения» (SWJP. S. XIII), служащая для выражения некоторых прагматических функций (*Ibidem*). Наряду с местоимениями, этот класс формируется, в частности, за счет частиц и средств выражения модальности.

В словаре Б. Дуная не исключение, когда одни и те же (фонетико-фонологически) местоимения, различающиеся в функциональном пла-

*Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5*

не, разносятся по разным классам, в том числе и причисляются к классу так называемых **метатекстовых операторов**, получающих во введении к словарю следующую дефиницию: «К метатекстовым операторам мы относим слова и словосочетания, поддерживающие текстообразование (прежде всего устное), например, начинающие и завершающие высказывание, делящие текст на меньшие единицы, сигнализирующие наличие контакта между говорящими, напр., *wiesz* ‘знаешь’, *prawda* ‘правда’, по *nie* ‘да ты что!; ну, да!’. Метатекстовыми операторами являются, в частности, единицы, вводящие тему высказывания, объяснения, иерархизирующие отрезки текста, предваряющие перечисление...» (SWJP. S. XIII).

В качестве примера такого распределения местоимений по разным заголовочным словам в зависимости от выполняемых ими в предложении функций приведем традиционно интерпретируемую в польских грамматиках как местоимение лексему *to* ‘это, то’. В словаре под редакцией Б. Дуная, в зависимости от выполняемой им функции, это слово распределяется по разным частям речи и квалифицируется как **существительное** (в функции подлежащего и дополнения), **прилагательное** (в атрибутивной функции), **глагол** (в функции замены вспомогательного глагола или замены фразы), **союз**, обеспечивающий связь предложений, **модулянт**, придающий высказыванию экспрессивность, **межтекстовый оператор**, который «стоит на грани известной и новой информации <...> *W zeszłym roku to lato* (SWJP. S. 1136) ‘В прошлом году так *это* были ливни’».

Мирослав Банько отмечает, что несмотря на зауженную интерпретацию класса местоимений (по сравнению со словарями польского языка под редакцией В. Дорошевского (SJPDor) (более 120 тыс. словарных статей) и под редакцией Мечислава Шимчака (SJPSz) (ок. 72 тыс. словарных статей)), «в «Словаре современного польского языка» под редакцией Б. Дуная местоимения в целом лучше проработаны» [Bańko 2001. S. 210]. Впрочем, лексикографические факты в словаре Б. Дуная говорят сами за себя.

Рассмотрим новации в сфере описания местоимений в этом словаре на примере местоимения *co* ‘что’. Заголовочное слово *co* ‘что’ выступает в этом словаре в качестве восьми заголовочных слов в разных словарных статьях. Таким образом, мы имеем восемь словарных статей под восемью заголовочными словами *co* (расположенными под римскими цифрами) (см. SWJP. S. 130).

Итак, обратимся к функциям частей речи, выделяемых в описываемом словаре на базе лексемы *co* ‘что’ (традиционно рассматриваемой в грамматиках как местоимение) и к иллюстрациям (с переводом и с произведенными нами выделениями и опущениями некоторых очередных

примеров и комментариев) из словаря под редакцией Б. Дуная (Ibidem). У указанной лексемы *co* фиксируются нижеследующие функции.

I. Функция **местоимения**: а) *Czego* chcesz? ‘*Чего* ты хочешь?’, *Z czym* przychodzisz? ‘*С чем* приходишь?»; б) *Zjedzmy co* ‘Давай **что-нибудь** съедем’, *Odezwij się do mnie, powiedz co* ‘Поговори со мной, скажи **что-нибудь**’. II. Функция наречия: а) в значении причины: *Coś* taka smutna? ‘Ты *чего* такая грустная?’. III. Функция **союза**: *Co* wyjechał za miasto, musiał szybko wracać ‘**Каждый раз как** он выезжал за город, ему приходилось быстро возвращаться’. IV. Функция **модулянта**: а) усилителя (*Mało co* jadł ‘Мало **что** ел’), б) выбора из совокупности: *Zaprosił na grywatkę co* ładniejsze dziewczynę ‘Он пригласил на вечеринку девушек **что** покрасивее’); V. Функция **релятора**, служащего присоединению двух типов придаточных предложений: а) *Robiła (to), co* chciała ‘Она делала (то), **что** хотела’, б) *Wygrał, czym* wszystkich zaskoczył ‘Он выиграл, **чем** всех удивил’. VI. Функция предлога, «в сочетании с именительным падежом, реже с винительным или родительным» (Ibidem), указывает на периодичность повторяющихся действий: а) *Przerywał mi co* chwila ‘Он прерывал меня **ежеминутно**’; *Odwiedzał chorego co* drugi dzień ‘Он посещал больного **через** день’; *Co* niedziela chodził do kościoła ‘**Каждое** воскресенье он ходил в костел’; *Przystawał co* krok ‘Он останавливался **на каждом** шагу’. VII. Функция **релятора**, присоединяющего придаточное предложение: *Ten, co* wygra, dostanie nagrodę ‘Тот, **что** выиграет, получит приз’; *Podaj gazetę, co* leży na stole ‘Подай газету, **что** лежит на столе’; *Torebka takiego koloru, co* buty ‘Сумка такого же цвета, **что** и туфли’; *Wziął tyle, co* potrzeba ‘Он взял столько, **сколько** нужно’. VIII. Функция **метатекстового оператора**, вводящего вопросы а) *Co?* *Znów* on przyzedł? ‘**Что?** Он снова пришел?»; *Co?* *Nie wolno* mi? ‘**Что?** Нельзя мне?»; б) *To* ci bardziej pasuje, *co?* ‘Это тебе больше подходит, **а?**’. В конце данной словарной статьи приводится также целый ряд фразеологизмов, содержащих лексему *co*.

Отметим, что уже сам перевод демонстрирует ряд различий в средствах выражения очередных значений в русском и польском языках. И если спроецировать выделенные в «Словаре современного польского языка» части речи польского языка на материал русских соответствий, полученных в результате перевода, для русского языка, по всей вероятности, сформировалась бы иная картина частеречной принадлежности этих функциональных соответствий по сравнению с польским языком.

Кроме того, в самостоятельных, полновесных словарных статьях словаря описываются местоименные комплексы и фразеологизмы, содержащие в своей начальной части указанную лексему *co* ‘что’.

Вышеупомянутые местоименные комплексы представляют собой фактически *синтаксические фразеологизмы* – как принято называть

такие частички нашей речи в отечественном языкознании. Польскими лингвистами они квалифицируются или как *фраземы* (а изучающее эти единицы направление фразеологии называют *фразематикой*), или как единицы так называемой *малой идиоматики* (IPR. S. 7).

Приведем пример такого местоименного комплекса из словаря Б. Дуная с его лексикографическим описанием. Местоименный комплекс *co mi tam* 'что мне там' представлен в словаре Б. Дуная трижды. Первый в очередности местоименный комплекс *co mi tam* представлен без цифрового обозначения; личное местоимение в этом комплексе изменяется по лицам, что соответствующим образом лексикографически фиксируется, а именно, после *mi* 'мне' в квадратных скобках дается словоформа [*mu* ір. 'ему и т.п.']. В целом же заголовочное слово словарной статьи имеет следующий облик: *co mi [mu ір.] tam* 'что мне [ему и т.п.] там'. Приводится дефиниция: «оборот, выражающий равнодушие, пренебрежение в отношении чего-либо», и иллюстрация: *Co mi tam, niech sobie ludzie gadają! 'Что мне там, пусть себе люди болтают!'*. Таким образом, в заголовочном слове содержится указание на то, что данный комплекс может относиться к разным лицам (и изменяться по числам).

Далее в качестве словарных статей следуют фактически те же местоименные комплексы под римскими цифрами I и II, но с другими пометами: *co mi tam I* употреблено с пометой *mod.* 'модулятор' и дефиницией: «в сочетании с последующим словом указывает на нечто, что говорящий считает не имеющим значения, несущественным»; приводятся примеры: „*Co tam pieniądze, zdrowie najważniejsze* (SWJP. S. 131) '*Что там* деньги, здоровье важнее всего. *Co mi tam* twoje rady, zrobie, jak uważam” (Ibidem. S. 131) '*Что мне там* твои советы, я сделаю так, как считаю нужным’.

Местоименный комплекс *co mi tam II* употреблен с пометой *wykrz.* 'междометие' и объяснением семантики: «формула, выражающая, что говорящий не собирается реагировать на некую нежелательную ситуацию, что она ему безразлична», и с примерами: „*Co mi tam! Odchodzę* (Ibidem) '*Что мне там!* Ухожу'; *Nie przejmuj się, co tam, wszystko będzie dobrze* 'Не переживай, *что там*, все будет хорошо'; *Co tam, nie myślę już o tym*” (Ibidem) '*Что там*, я уже об этом не думаю’.

В описание местоимения *ty* 'ты' в словаре Б. Дуная входит традиционная помета *zaim.* 'местоимение'. В словарной статье этого местоимения среди целого ряда иллюстраций приводится и пример экспрессивного, стилистически маркированного употребления именительного падежа местоимения: „*Ej, ty, chodź no tutaj. Coś ty powiedział?*” (SWJP. S. 1161) 'Эй, *ты!* Иди-ка сюда. Что *ты* сказал?’.

Совершенно очевидно, что лексикографическое описание местоимений является в словаре Б. Дуная функционально дифференцированным,

*Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5*

и это отличает данный словарь от соответствующих предшествовавших ему словарных изданий.

Проблема лексикографирования класса местоимений в толковых словарях польского языка ставится как чрезвычайно актуальная в книге Мирослава Банько «На рубежах лексикографии и языкознания» [Bańko 2001]. Данной проблематике посвящен в ней обширный раздел «Реституция местоимений» [Bańko 2001. S. 204-218]. В этом разделе М. Банько дается глубокий обзор подходов к местоимениям в польском языкознании. В первую очередь анализируются те общие признаки класса местоимений, которые находят свое выражение в их лексикографическом описании. М. Банько выдвигает тезис, что местоимения представляют собой открытый класс, элементы которого не являются замкнутым реестром, а значит, и не поддаются точному перечислению. Внутри класса местоимений вводится градация а) на типичные местоимения, б) менее типичные *któredukolwiek*, а также в) на неместоименные слова, сходные с местоимениями по своим функциям (*факт, вопрос* и т.п.).

М. Банько тестирует толковые словари непосредственно предшествовавшие новейшему периоду польской лексикографии, то есть, 11-томный «Словарь польского языка» под редакцией Витольда Дорошевского (SJPDog) (Большой академический словарь) и 3-томный «Словарь польского языка» под редакцией Мечислава Шимчака (SJPSz) (Средний академический словарь), на адекватность описания в них местоимений. Он осуществляет верификацию всего содержащегося в них местоименного материала. Результатом такой верификации стало расширение представлений о презентации местоименности в словаре, значительное увеличение состава описываемых в словаре местоименных единиц путем отнесения к таковым тех лексем, которые ранее не рассматривались как местоименные, и в целом – большая дифференцированность подходов к описанию местоимений.

Подтверждением того, что М. Банько рассматривает класс местоимений в расширительном плане, является отнесение им к этому классу слов-кванторов – с семантикой неопределенного количества, таких, как *dużo* ‘много’, *mało* ‘мало’, *niedużo* ‘немного’, *srogo* ‘немало’ и другие подобные, традиционно относимые к классу наречий.

Теоретические воззрения М. Банько, выделяющего местоимения в отдельную часть речи, новации и уточнения в описании класса местоимений, высказанные им в указанной монографии, нашли свое непосредственное воплощение в макро- и микроструктуре двухтомного «Иного словаря польского языка» (ISPJ) (100 тыс. лекс. ед.), созданного под его редакцией.

В монографии М. Банько «На рубежах лексикографии и языкознания» списком приводятся местоимения, фигурирующие на страницах

«Иного словаря польского языка» – 351 единица, наделяемая пометой *zi* ‘местоимение’). М. Банько высказывается в пользу квалификации местоимений как единой части речи, выделяемой лишь по семантико-прагматическим признакам, и отчасти – по грамматическим признакам: «общие признаки местоимений носят характер скорее семантический и прагматический, нежели грамматический» [Bańko 2001. S. 204]. Среди новаций, представленных в «Ином словаре польского языка» – презентация относительных и вопросительных местоимений как единого разряда вопросительно-относительных местоимений (в пользу такого подхода говорит среди прочего факт идентичности состава тех и других).

Посвящая раздел лексикографическому описанию класса местоимений, М. Банько тем не менее не обходит стороной и проблему *сущности местоименности* [Ibidem] и критериев выделения местоимений, называя, вслед за С. Йодловским, критерии *заместительности* и *дейктивности* и указывая на связь критерия заместительности с этимологией слова местоимение [Ibidem. S. 205]. Хотя этот критерий не охватывает всех местоимений, тем не менее в грамматическом плане он позволяет выделить четыре грамматических класса местоимений – субстантивные, адъективные, наречные местоимения и местоимения-числительные. М. Банько выделяет также традиционные функциональные классы местоимений, как-то: указательные, вопросительные, относительные, неопределенные, притяжательные, личные, возвратное. Характерно, что лексема *to* ‘это, то’ как а) несклоняемая форма и формально эта же лексема как б) склоняемое существительное и как в) прилагательное среднего рода, имеющее формы словоизменения, являющееся частью парадигмы местоимения *ten* ‘этот, тот’, не сливаются, но, напротив, четко дифференцированы, отделены друг от друга (ISJP P...Ż. S. 830-832).

М. Банько указывает, что личные и возвратное местоимения в «Ином словаре польского языка» отнесены им к указательным в связи с выполнением ими аналогичных функций, при этом их специфические признаки представлены в соответствующих словарных статьях [Ibidem. S. 206]. Неопределенные местоимения подвергаются дальнейшему делению. В то же время все типы неопределенных местоимений М. Банько относит к языковым средствам квантификации, и это является обоснованием для их рассмотрения как совокупности.

М. Банько традиционно обращает внимание, с одной стороны, на абстрактность местоимений, а с другой стороны – на «изменчивость (оказиональность) их значения» [Банько 2001. S. 206]. Он подчеркивает тот факт, что местоимение связано с денотатом через элементы конкретной ситуации, а не непосредственно, и ссылается на Е.В. Падучеву (1992), которая утверждает, что местоимения не образуют грамматиче-

*Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5*

ской группы слов, но образуют лексико-семантический класс слов на основе их роли в референции (Цит. по: [Банько 2001. S. 207]).

М. Банько обращает внимание на полифункциональность целого ряда польских местоименных лексем (*co* что является и вопросительным, и относительным, а *sokolwiek* ‘что угодно, немного, кое-что, нечто’ представляет собой и неопределенное местоимение, и относительное).

В последнем из вышедших толковых словарей польского языка, а именно, в «Универсальном словаре польского языка» (USJP) в 4-х томах под редакцией Станислава Дубиша (1-е изд. 2003 г.), содержащем ок. 100 тыс. словарных статей (145 тыс. лекс. ед.), независимо от воззрений главного редактора на природу местоимений (которые в предисловии к словарю не декларируются), картина местоимений предстает порой еще более дифференцированной по сравнению с двумя предыдущими новейшими толковыми словарями современного польского языка. Так, в пределах словарной статьи на местоимение *ja* ‘я’ в качестве подстатьи описывается форма *jam* (USJP. S. 1255) (местоимение *ja* + показатель 1-го лица *-m*), отсутствующая в словарях-предтечах и выступающая в особой функции, подчеркивающей значительность происходящего и величие того, кто произносит это *jam*. В словаре эта словоформа дается с пометой *wznios.* ‘высок’. В то же время «Универсальном словаре польского языка» (USJP) без частеречной пометы, указывающей на принадлежность к классу местоимений, выступает местоимение *któredykolwiek* (USJP. S. ) ‘куда бы то ни было’, внутренняя форма которого легко просматривается: она состоит из локативного местоимения *któredy* ‘каким путем’ и частицы *-kolwiek* ‘-нибудь’, ‘любой’, характерной для неопределенных местоимений.

Обратимся к лексикографической презентации местоимений в двуязычной русско-польской и польско-русской лексикографии, представляющей собой отдельный проблемный пласт, связанный в первую очередь с именами Анджея Богуславского, Яна Вавжиньчика, Йолянты Мендельской. Так, в книге «О польском и русском языках» Я. Вавжиньчика большое место отведено корреляциям личных местоимений польского и русского языков (см.: [Wawrzyńczyk 2006]), а также – в ряде случаев – отсутствию таковых в виде так называемых нулевых соответствий. Описываются также переводные пары, в том числе с нулевым соответствием, в сфере указательного местоимения *to* ‘это, то’.

Я. Вавжиньчик указывает, что во имя стилистической и прагматической чистоты перевода регулярные нулевые соответствия необходимо со всей тщательностью фиксировать в словарях. В целом же А. Богуславски и Я. Вавжиньчик считают целесообразным в переводных двуязычных словарях выходить за рамки непосредственно категориальных соответствий (и учитывать регулярные контекстные соответствия).



*Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5*

За последнее время в польской двуязычной лексикографии проявилось внимание к переводу местоименных комплексов. Так, в экспериментальном переводном словаре А. Богуславского «Польско-русские лексикографические материалы» (PRML) обращает на себя внимание презентация нижеследующих указательных местоимений (Bogusławski 2008. S. 27-28): *tak* ‘так’, *taki* ‘такой’, *ten* ‘этот’, *to* ‘это, то’ – и русская эквивалентика полифункциональных местоименных комплексов на базе этих местоимений. Речь идет о таких формациях, как, например, *tak czy tak* ‘так или так’, *coś takiego* ‘такое, нечто такое’, *jest taka rzecz* ‘вот какое дело’, *jest taka sprawa* ‘вот что’, *jakiś taki* ‘какой-то’, *tego rodzaju* ‘такого рода, подобного рода, подобный’ (Ibidem). Русская эквивалентика приведенных выше формаций демонстрируется в соответствующих минимально достаточных контекстах.

Разумеется, в двуязычных словарях экспонируются в первую очередь такие дивергенции в семантике польских и русских местоимений, которые проецируются в сферу перевода. А поскольку в семантике основного костяка польских и русских местоимений много общего, соответственно, и картина семантики местоимений русского и польского языков в виде переводных эквивалентов предстает в ряде случаев как более упрощенная по сравнению с ее презентацией в толковых словарях. Однако когда через эквивалентiku необходимо продемонстрировать асимметрию функциональных свойств местоимения в переводящем языке по сравнению с таковыми в исходном языке, такие усилия польскими лексикографами успешно предпринимаются.

Несмотря на принципиальное сходство устройства системы местоимений в польском и русском языках, отметим, что целый ряд польских местоимений не имеет русских аналогов. В таких случаях приводится существующая практика перевода таких лексических единиц, основанная на изучении переводов параллельных текстов.

Я. Вавжиньчик считает проблематику совершенствования описания местоимений в словарях чрезвычайно плодотворной и привлекательной в исследовательском и практическо-лексикографическом плане [Wawrzyńczyk 2006. S. 175].

Новейшие тенденции в описании лексического класса местоимений, ориентированные на полноту презентации переводных соответствий (включая особенности акцентуации, место в предложении и возможные опущения при переводе) нашли свое выражение в самом последнем из недавно вышедших двуязычных словарей, а именно, в Новом русско-польском польско-русском словаре (NRPPR) – как в корпусе словаря (см., напр., s. 51, 261-262, 525, 595 и др.), так и в Приложении к нему в разделе «13. Формы вежливости» (NRPPR. S. 1262).

*Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5*

В современной польской лексикографии – толковой и двуязычной – русско-польской и польско-русской, лексикографической презентации местоимений в последнем десятилетии XX века и в первом десятилетии XXI века уделяется большое внимание. По сравнению со словарями-предтечами произошла значительная дифференциация, детализация и нюансировка описания местоимений, расширение их состава, причем не только отдельно взятых местоимений-заголовочных слов, но и местоименных комплексов. Пристальное внимание обращается на полифункциональность местоимений.

В русско-польской и польско-русской лексикографии (WSPR, WSRP, NRPPR) большое внимание уделяется отработке и уточнению межязыковых соответствий, выявляемых на основе большого массива параллельных текстов. Характерной чертой современной русско-польской и польско-русской лексикографии является включение в словари не только категориальных эквивалентов, но и контекстных функциональных соответствий, что призвано обеспечить удобство в нахождении переводчиками адекватных переводных соответствий.

Необходимо отметить, что благодаря компьютерным технологиям и расширению эмпирической базы современной лексикографии произошло расширение горизонтов видения проблем местоименности; наблюдается широта и дифференцированность подходов к вопросам описания этого лексического класса.

#### Л и т е р а т у р а

1. Bańko M. Z pogranicza leksykografii i językoznawstwa / Wydział polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa, 2001. 336 s.
2. Bogusławski A. A study in the linguistics-philosophy interface. Warszawa: BEL Studio, 2007. 612 s.
3. Jodłowski S. Studia nad częściami mowy. Warszawa: PWN, 1971. 200 s.
4. Milewski T. Językoznawstwo. Kraków, 1965.
5. Wawrzyńczyk J. O języku polskim i rosyjskim. Studia i szkice. Łask: Leksem, 2006. 292 s.

#### С л о в а р и

- IPR Chlebda W., Gołubiewa A., Wawrzyńczyk J., Wielg T. Idiomy polsko-rosyjskie. Польско-русские идиомы. Warszawa: Wydaw. Naukowe PWN, 2003. 272 s.
- ISJP Inny słownik języka polskiego / Pod red. Mirosława Bańko. Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 2000.
- NRPPR Nowy słownik rosyjsko-polski polsko-rosyjski / Red naukowy Jan Wawrzyńczyk; Autorzy haseł: J. Wawrzyńczyk, H. Bartwicka, V. Kulpina, E. Małek. Autorka zarysu gramatyki V. Kulpina. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2008. XVI s. 1264 s.
- PRML Bogusławski A. Polsko-rosyjskie materiały leksykograficzne. Łask; Warszawa: Leksem, 2008.
- SJPDor Słownik języka polskiego: W 11 t. / Pod red. W. Doroszewskiego. Warszawa: PWN, 1958–1969.

*Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5*

- SJPSz Słownik języka polskiego: W 3 t. / Pod red. M. Szymczaka. Warszawa: PWN, 1981–1982.
- SWJP Słownik współczesnego języka polskiego / Pod red. Bogusława Dunaja. Warszawa: Wilga, 1996. XLV s.; 1393 s.
- USJP Uniwersalny słownik języka polskiego: W 4 t. / Pod red. S. Dubisza. Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 2003.
- WSPR Wielki słownik polsko-rosyjski / Wawrzyńczyk J., Małek E. et al. / Red. naczelny Jan Wawrzyńczyk. Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 2005. 927 s.
- WSRP Wielki słownik rosyjsko-polski z kluczem polsko-rosyjskim / Wawrzyńczyk J., Kuratczyk M., Małek E. et al. / Red. naczelny Jan Wawrzyńczyk. Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 2004. 1360 s.